

...Палящее южное солнце брызнуло в глаза ярким сполохом полуденных лучей, и Егор невольно зажмурился, опуская голову, чтобы уберечь глаза от куриной слепоты. Так что, откуда взялся этот обкуранный смертник, он так и не понял. Только когда в глазах перестали плясать зайчики, он вдруг сообразил, что смотрит в рожу этому ненормальному, сжимая в руках автомат. Раскинув в стороны руки и улыбаясь какой-то дурацкой улыбкой, шахид вскинул голову к небу и, брызгая слюной, прокричал:

— Аллаху акбар!!!

— Ложись! — раздался вопль откуда-то из-за увала, но Егор понял.

Не успеет. Ничего не успеет. Ни выстрелить, ни лечь. Но тело решило действовать без участия мозга. Так иногда бывает, когда на размышления уже нет ни секунды, а опасность настолько реальна, что подсознание опережает действием мысль. Согнувшись почти пополам, Егор прыжком попытался скрыться за углом дома, и в то же мгновение раздался взрыв. И с этого момента время словно остановилось.

Уже падая на красноватый песок, он каким-то краем сознания успел засечь вспышку, грохот

и визг разлетающейся шрапнели, которой был начинен пояс этого обкуренного подонка. Далее наступила темнота. Егор даже не запомнил, как ударился о землю. Только темнота и тихий, едва различимый звон в ушах...

* * *

— Господи, прими душу раба твоего, безвинно убиенного дитяти... — разобрал он, едва начав хоть что-то ощущать.

Слух почему-то проклюнулся первым, хотя после взрыва это несколько удивило. А потом, вместе с этим странным бубнежом, навалилась боль. Долгая, непрерывная, выматывающая. Болело все, казалось, даже волосы на голове и те болят.

«Твою ж мать! — мысленно простонал Егор, делая слабую попытку обрести контроль над собственным организмом. — Неужели пронесло? Да нет, быть такого не может». После того взрыва, да еще и с кучей шариков вместо шрапнели, нереально. Тогда почему мне так хреново? «Блин, я же, даже если выжил, все одно полный инвалид. Овощ, иначе не скажешь. Господи, да заткни ты ее уже. Достала бубнить над ухом», — взмолился он, понимая, что от этой бесконечной молитвы у него голова начинает просто раскалываться.

— Пить, — попытался произнести он, пересохшим ртом.

— Царица небесная! Неужто живой?! — ахнул рядом другой голос.

— Допился аспид, — тут же раздалось в ответ. — Откель живой-то?

— Да сама глянь, вон, губами шлепает. Небось, сказать чего хочет.

— Да чего ему теперь говорить-то, с головой пробитой и ножом в брюхе? Сам глянь, кровящи-то вытекло.

— Пить, — собравшись с силами, попытался повторить Егор, одновременно стараясь повернуться в сторону голоса, заметившего его попытки.

— Господи, и вправду живой, — ахнули чуть дальше, и тут же послышалась решительная команда: — Акулина, воды принеси и тряпицу чистую. Нельзя ему теперь пить. Губы смочить надобно. Да быстрее ты, кулёма!

Рядом послышались звуки какой-то суеты, а после в лицо ему ткнулась какая-то мокрая тряпка. Сообразив, что на большее рассчитывать не приходится, Егор принялся хватать ее губами, чтобы получить хоть немного влаги. Пить хотелось невероятно. Вскоре, когда во рту появилась хоть какая-то влага, ему протерли лицо, и тот же голос скомандовал:

— Аким, запрягай кобылу. И шибче, шибче давай. И соломы в телегу подложить не забудь. В город его повезешь. Да шевелитесь вы, увальни.

— А надо ли, Лука Игнатьич? Все одно ведь помрет, болезный. К чему зазря мучить вьюноша? — с сомнением проворчал непонятно кто.

«Я еще тебя переживу, ворона», — мысленно огрызнулся Егор, делая очередную попытку открыть глаза.

— Ума лишился? — зло отозвался тот, кого называли Лукой. — Сказано, запрягай. А станешь кобениться, я тебе лично рыло набок сверну. Коль уж суждено ему помереть, то не здесь. Шевелись, сказано.

— От надо оно, кобылку зазря гонять, — пробурчали в ответ, а дальше послышались неторопливые шаркающие шаги.

— Лицо ему оботри как след, — продолжал распорядиться тот самый непонятный Игнатийч. — И губы смачивай. Руды много вытекло, вот жажда и давит. Да аккуратнее ты, кулёма.

— Неужто и вправду выживет? — робко произнес женский голос.

— Как бог даст. Да только я так мыслю, паренек он крепкий, и коль головную кость не проломило, то даст бог, и оправится. С ним поедешь. И главное, ножа не трогать. Пусть его дохтур в городе вынимает. Здесь жди. Сейчас буду, — добавил этот непонятный командир.

Спустя несколько минут рядом с Егором раздались тяжелые шаги и кто-то, тяжело сопя, принялся что-то делать. Что именно, он так и не понял. Глаза почему-то отказывались открываться. Впрочем, и все остальное тело не желало отзываться на его потуги хоть как-то пошевелиться. Шебуршание рядом прекратилось, после чего его ухватили за одежду и принялись осторожно перетаскивать. Куда, зачем, он так и не понял. Догадался только, что несли, чтобы куда-то везти.

Спустя еще какое-то время то, на чем он лежал, подняли и куда-то понесли. К счастью, несли не долго. От тряски и переноса в голове вспыхнул настоящий фейерверк, а в животе, с левой стороны, вскинулась тупая, ноющая боль. Его положили на что-то тихо хрустящее и пахнущее пылью, а после эта лежанка вздрогнула и, негромко заскрипев, начала двигаться, дребезжа, покачиваясь и подпрыгивая.

«И вправду как на телеге», — хмыкнул Егор про себя.

Но дальше ему стало не до размышлений. Кто-то сидевший рядом снова начал смачивать ему

губы водой, так что пришлось сосредоточиться на том, чтобы постараться ухватить как можно больше влаги. С чего вдруг ему нельзя пить, он так и не понял, но теперь было не до таких мелочей. В любом случае осмотреть себя, ощупать или еще хоть как-то получить о себе любую информацию пока было нереально.

От тряски вдруг еще накатила дурнота. Борясь с собственным организмом, Егор не заметил, как ехавшие рядом принялись что-то тихо обсуждать. К тому же звон в ушах усилился, мешая слушать их разговор. Закончилось все тем, что Егор отключился. Когда и почему, он и сам не понял. Просто вдруг словно свет кто-то погасил. Очнулся он, когда его снова принялись тормошить и, подняв, опять куда-то понесли.

Дальше вокруг началась какая-то суета, чьи-то команды, и резко запахло карболкой. Этот запах он помнил еще с детства, когда мать приводила его к врачу. Зачем, он уже и не помнил. Помнил только, что было страшно, больно и очень хотелось спать. Вот и теперь ему почему-то стало страшно и снова захотелось спать. На лицо в очередной раз опустилась какая-то тряпка и резко запахло хлороформом. А после снова накатила темнота.

Но на этот раз его сознание не отключилось, а словно перенеслось куда-то. Куда именно, было совершенно непонятно. Ясно было только одно. Тут было светло, чисто, а главное, очень спокойно.

— Блин, неужели и вправду помер? — иронично хмыкнул Егор, пытаясь хоть как-то оглядеться. — Тогда хотелось бы понимать, куда меня занесло. В ад. В рай или в чистилище? Хотя, в чем именно разница между чистилищем и адом, я так толком и не понял.

Умение шутить и иронизировать в любой ситуации не раз спасало его в прошлом, так что отказываться от этой привычки он не собирался. Так сложилось, что друзей у него почти не было. С самого детства. И не потому, что он сам этого не хотел. А потому, что у него почти не было свободного времени. Да-да, с самого детства. Впрочем, у него много чего не было. И все только потому, что в их бабьем царстве было решено сделать из него сначала музыканта, а после переводчика.

Кто именно это решил и зачем, он узнал гораздо позже. А тогда ему было не до размышлений. Сколько себя помнил, Егор только и делал, что чему-то учился. С утра и до самого вечера. Языки, музыка и еще куча всякой муры, которую он по сей день терпеть не мог. Так что вышучивать все, что попадалось на глаза, он научился очень рано. И с каждым днем у него это получалось все лучше и ядовитее. Иногда это даже становилось опасным, но отказываться от этого умения Егор не собирался.

— Все ехидничаешь? — вдруг раздался гулкий, грозный голос. — Не надоело?

— А с шуткой жить легче. Или это теперь не про меня? — справившись с изумлением, осведомился Егор.

— Ну отчего же. Ехидничай, мне не жалко. Только прежде на вопрос ответь. Жить хочешь?

— Как в том анекдоте. Разве это жизнь? Это ж каторга, — хмыкнул Егор в ответ, понимая, что уже вообще ничего не понимает.

— Да уж. Оторвались на тебе бабы. Ну да ладно. Минуло и ладно. Теперь у тебя другие заботы будут.

— Это с чего бы? Вроде все. Приплыл.

— Рано. Да и не так оно все сложилось, как думалось. Придется исправлять.

— Кому думалось? И кто исправлять станет? Я? Или ты?

— Ты. Это ж ты жить хочешь. Вот и поживешь. А я посмотрю, как оно у тебя получится, — с изрядной долей ехидства ответил голос, и Егора куда-то потащило. Снова навалилась темнота, и все пропало. Абсолютно все. Верх, низ, свет, тьма. Не было ничего. Совсем.

* * *

Родился он под Питером, в небольшом уютном городке. Поначалу все вроде было как у всех. Во всяком случае, ничего особо значимого ему в память из тех времен не врезалось. Но примерно с дошкольной группы детского сада все начало резко меняться. Егор вдруг понял, что в садике ему лучше, чем дома. Почему? Да потому, что там не было злющей прабабки, которая каждый раз, заведев его, презрительно шипела:

— Комиссарский выродок.

Что это такое, он по малолетству не понимал, но тон и эмоции, исходившие от нее, улавливал четко. Она не просто не любила его. Она его ненавидела. Как ненавидела и презирала собственную внучку. Его мать. Та отвечала ей не меньшей злобой, но сына защищать даже не пыталась. Властная, жесткая бабка прибрала к рукам весь дом и была в нем полновластной хозяйкой. Она даже осмеливалась решать, чем заниматься маленькому Егорке. Сам он, по причине малолетства, еще толком не знал, что ему больше нравится, а мать по приказу прабабки уже потащила его в музыкальную школу.

К огромной неудаче мальчишки, слух у него оказался отличный. Во всяком случае, нотный стан он

воспроизвел с первого раза. А вот дальше началась настоящая каторга. Сначала его было решено отдать на фортепиано. Но очень скоро стало понятно, что у ребенка еще слишком маленькие пальчики, да и сам он просто не дорос до инструмента. Тогда пианино заменили на скрипку. Но и тут не заладилось. Серьезный инструмент для такого малыша не делали, а стандартный был ему тоже велик.

Но женщин это не остановило. Каждый божий день его забирали из садика и волокли в музыкалку, вместе со скрипкой и нотной папкой. А тем временем его сверстники гоняли в футбол, лазили по крышам, катались на велосипедах и вообще жили полной жизнью. Очень скоро Егор просто возненавидел музыку. Уже в школе, узнав, что он занимается музыкой, пара мальчишек, постарше, отловили его после уроков и как следует отлупили, попутно сломав инструмент.

Скандал дома случился невероятный. Мать шипела разъяренной коброй, бабка визжала, словно циркулярная пила, а прабабка, окатив презрительным взглядом, процедила сквозь зубы:

— Комиссарский выродок. Даже самого себя защитить не может. Бесполезный кусок мяса.

В тот момент Егор и сам не понял, откуда вдруг взялась такая смелость, но дикая, незамутненная ярость заставила его забыть о побоях и, гордо вскинув голову, твердо ответить:

— Не мешайте, тогда сам всему научусь.

Не ожидавшие такой дерзости бабы от удивления дружно заткнулись, глядя на него с таким видом, словно с ними заговорил не их ребенок, а табурет у кухонного стола.

— Что ж. Посмотрим, — презрительно фыркнула прабабка и, развернувшись, скрылась в своей комнате.

С того дня мать перестала провожать его в школу и вообще задавать какие-либо вопросы. Просто доставала из портфеля дневник и, убедившись, что со школьной программой все в порядке, словно забывала о его существовании. А сам же Егор, недолго думая, отправился в ближайшую секцию бокса. Тренер, окинув худенького мальчишку задумчивым взглядом, попросил его протянуть вперед руки и, скептически оглядев длинные, музыкальные пальцы, проворчал:

— Тебе только на рояле лабать, а не рожи бить.

— Я и лабаю, — вздохнул Егорка, для которого школа мимо не прошла.

— А чего тогда сюда пришел? — заинтересовался тренер.

— Побили, — снова вздохнул мальчишка.

— А ты, значит, хочешь их в ответ побить?

— Нет. Не хочу, чтобы снова били, — подумав, высказался Егор.

— А вот это уже серьезный разговор, — одобрительно хмыкнул тренер и отправил его на скакалку.

С того дня мальчишка принялся делить все свое время между обычной школой, музыкалкой и секцией бокса. Тренеру он честно обо всем рассказал, прямо заявив, что перчатки ему никто покупать не станет. Помолчав, тот кивнул и, достав из шкафа пару стареньких, но еще крепких перчаток, сказал, протягивая их мальчишке:

— После тренировки приноси сюда. Раз уж дома так не хотят, чтобы ты занимался тут, пусть и дальше не знают. Ты, главное, в обычной школе учишься как следует. Тогда никто шума поднимать не станет и про тебя не узнает. Уговор?

— Уговор, — решительно кивнул Егорка и с того дня принялся тренироваться еще упорнее.

В музыкальной школе тоже произошли кое-какие изменения. Избавившись от ненавистной скрипки, он с удовольствием перешел в класс гитары, заодно заинтересовавшись таким необычным инструментом, как саксофон. Благо это были еще времена, когда ни за какие секции или кружки платить было не нужно. Но неожиданно все вдруг начало резко меняться. Страну трясло. Во всех республиках начались всякие волнения и движения. В общем, началась та самая перестройка.

Прабабка, едва только начались перемены, часами не отходила от телевизора, злорадно шипя:

— Так вам и надо, твари краснопузые.

Кого она так называла и почему так злилась, Егор не понимал. О семье и предках вообще с ним никто никогда не говорил и ничего не рассказывал. Знал только, что прабабка всегда предпочитала общаться даже дома по-французски. Этим языком владели все. И бабка, и мать, и, как следствие, пришлось выучить и ему. Так что немецкий язык, изучаемый по школьной программе, давался ему легко. Во всяком случае, с преподавателем он запросто на уроках говорил на немецком, даже не пытаясь переходить на русский.

Уже в шестом классе, когда в стране вообще все развалилось, он случайно увидел на видеокассете у одного из одноклассников какой-то итальянский фильм с эротическим содержанием и загорелся идеей выучить язык. Ему понравилось его звучание. Но найти носителя языка оказалось сложно. Как ни странно, выручил тренер по боксу, куда Егор продолжал ходить с одержимостью обреченного. Даже успел получить детский разряд до того, как все развалилось.

Какой-то его старый знакомый отлично владел итальянским и вполне мог помочь на начальном